

DOI: 10.22250/2072-8662.2019.2.114-121

Герасименко А.П.

Православная правовая идеология И.А. Ильина

Аннотация. В статье представлен критический анализ правовой идеологии Ивана Александровича Ильина (1883–1954) по его работам «Наши задачи. Статьи 1948–1954 годов», «О монархии и республике», «Путь к очевидности», «Поющее сердце» и др. Разделяемая этим русским юристом-философом правовая идеология определяется как праворадикальное православие. Демонстрируется, что правовая система обретает черты системы юридического или идеологического типов в зависимости от того, какая светская или религиозная правовая идеология господствует в ней. Если законодательство и юридические инстанции служат какой-то одной светской или религиозной правовой идеологии радикального

свойства, то правовая система становится идеологической. Если такого не случается, то правовая система по типу является юридической. Правовая система идеологического типа складывается в государстве партийного типа, а правовая система юридического типа – в государстве правового типа. Правовой или партийный тип государства зависит от типа политической системы общества – полиструктурного с демократическим политическим режимом или моноструктурного с тоталитарным политическим режимом.

Ключевые слова: И.А. Ильин, правовая идеология, религиозная правовая идеология, светская правовая идеология, типология правовых систем

Anatoly P. Gerasimenko

Orthodox Legal Ideology by I.A. Ilyin

Abstract. The article presents a critical analysis of the legal ideology of Ivan Aleksandrovich Ilyin (1883–1954) on the material of his works “Our Tasks. Articles of 1948–1954”, “On the Monarchy and the Republic”, “The Way to Evidence”, “The Warming Heart”, etc. The legal ideology shared by this Russian jurist-philosopher is defined as right-wing orthodoxy. It is demonstrated that the legal system acquires the features of a system of legal or ideological types, depending on which secular or religious legal ideology prevails in it. If legislation and legal institutions serve any one secular or religious legal ideology of a radical nature, then the legal system becomes an ideological one. If this does not happen, then the legal system is legal in type. The legal system of an ideological type is formed in a state of a party type, and the legal system of a legal type is formed in a state of a legal type. The legal or party type of state depends on the type of political system of the society – a multi-structured one with a democratic political regime or a mono-structural type with a totalitarian political regime.

Key words: I.A. Ilyin, legal ideology, religious legal ideology, secular legal ideology, typology of legal systems

---

Герасименко Анатолий Петрович – доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Амурского государственного университета; 675027, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21, корп. 8, каб. 401; tigip_26@mail.ru

Anatoly P. Gerasimenko – DSc (Philosophy), Professor at the Department of Theory and History of State and Law of the Amur State University; of. 401, build. 8, 21 Ignatievskoe shosse, Blagoveshchensk, Russia, 675027; tigip_26@mail.ru

Теоретико-практическую воплощённость религий хорошо демонстрируют многочисленные и повсеместные факты политико-правовой жизни. Без особых сомнений всегда можно указать на какую-нибудь из католических, мусульманских, православных, кальвинистских, англиканских и прочих монархий или республик, за реальными юридическими устройствами каждой из которых видны установки конкретной религиозной правовой идеологии. И тем не менее, в идейно-политическом спектре аналитики почти никогда не различают идеологий вероисповедного свойства, полагая, что, к примеру, католицизм, кальвинизм, конфуцианство или шиизм невозможно ставить в один ряд, опять же лишь к примеру, с либерализмом, фашизмом, коммуитаризмом или анархизмом. Названное упущение серьезно мешает осмыслению правовой идеологии – теоретизированию по поводу государственно-правовой действительности с целью приведения её в соответствие с определённым идеалом (совершенным наилучшим состоянием). Но разве не озабочена этим любая из притязающих на широкое признание религий?

Даже если не углубляться в историю, а говорить только о современных мировых религиях, то нельзя не заметить прямой связи между исламом и правовыми системами тех стран, где он господствует. Учитывая общую численность мусульман (около 1,5 млрд, в том числе 25 млн в России), а также серьезную роль в мировой политике таких государств, как Саудовская Аравия или Иран, не обращать внимания на исламскую правовую идеологию невозможно. Буддизм вместе с конфуцианством и даосизмом образует фундамент культурной жизни Китая, в котором коммунистическая программа правящей партии благодаря этому воспринимается более чем 1 миллиардом населения вполне органично. Христианство (православное, католическое, протестантское) исповедуют многие миллионы граждан европейских и американских стран, в том числе таких влиятельных, как США, ФРГ, Аргентина или Россия, политико-правовое устройство которых во многом сходно.

С социально-философской точки зрения религии могут быть не только персонцентристскими, но и социоцентристскими. Так, христианство – это вполне очевидно религия персонцентристская, тогда как мусульманство – социоцентристская. Сосредоточенность на душе, убежденность в целительной роли душевного покоя, присущие христианству, разительно отличает его от идеи служения сообществу единоверцев, пронизывающей мусульманство. Но высшей степенью персонцентризма отличается буддизм. Здесь вообще ничто не имеет значения, кроме такой сосредоточенности на себе, которая позволяет растворить боль личной судьбы во вселенском покое. Персонцентристские буддизм и христианство ориентируют на личное принятие любой политической системы, потому что согласно их установкам «всё в тебе». Мусульманство ориентирует на личное участие в коллективном действии единоверцев, в том числе, политическом. В смысле активного участия в жизни сообщества ислам совпадает с иудаизмом, который признаётся фундаментом культурной жизни не только Израиля, но и всей многомиллионной еврейской диаспоры. Можно сказать, что ислам в этом смысле ближе иудаизму, чем христианство.

Сегодня отечественная юриспруденция постоянно обращается к своим корням и авторитетам прошлых лет. В нашем теоретико-юридическом наследии И.А. Ильину¹ принадлежит не так уж много места, но интерес к его трудам распространяется всё шире. Мало кто из русских правоведов, продолжавших научную работу в эмиграции, уделял так много сил «политике права», как И.А. Ильин². Давно замечено, что среди вожakov русского революционного движения было много юристов, но Ильин принадлежал к противникам революции. Более того, он всячески поддерживал белогвардейцев, вдохновляя русскую армию на борьбу с красноармейцами, даже после 1945 г., т.е. после того, как они победили нацизм и фашизм. Почти всё опубликованное этим последовательным и неистовым антикоммунистом и антисоветчиком, русским православным националистом и монархистом, воспринималось во второй половине прошлого столетия даже в эмигрантских кругах как некий анахронизм, но неожиданно стало невероятно злободневным в наши дни. «На свете существует и сплоченно работает демократическая инквизиция. И чем она настойчивее, тем больше жертв, мук и крови потребует в будущем для того, чтобы люди отрезвились и образумились от этого демагогического угара» [Ильин, 1992, 2, 142].

С этими словами согласятся сегодня не только многие наши соотечественники, особенно те, кто оказался не по своей воле и без покровительства России в роли бесправных инородцев на западных окраинах ещё совсем недавно великой страны, но и китайцы, иранцы, афганцы, не говоря уже о сирийцах или ливийцах.

Ильин относил себя к тем интеллектуалам, которые разделяют религиозно-духовные основы мирозерцания. Он был литературно одарён, красноречив и многословен, хотя стремился изложить свои основные мысли программно и даже опубликовал набросок основных законов будущей России, т.е. конституции в «Наших задачах». Не будет преувеличением сказать, что подлинный Ильин сосредоточен в этой серии как бы итоговых для него небольших статей 1948–1954 гг., смысл и назначение которых он сам определил так: «Мы должны высказать и письменно (по возможности, и печатно!) закрепить в отчётливых и убедительных формулах то, чему нас научила история, чем нас умудрила наша патриотическая скорбь» [Ильин, 1992, 2, 153]. Сегодня тексты «Наших задач» вполне могут служить источником лозунгов, призывов, установок, т.е. использоваться по назначению – питать неутомимых искателей русской идеи и служить патриотической пропаганде и агитации.

Ильин не принимал юридических порядков, создававшихся в «Советии» под руководством коммунистов за правовые, считал их власть тиранической, а политическое устройство тоталитарным. Когда читаешь в его публикациях о монархическом строе, о русском православии, о гражданском воспитании, тогда не хочется возражать, но когда он пытается зафиксировать свои здравые представления в статьях чаемой Конституции России, тогда возникает чувство протеста³. Зачем менять коммунистическую велеречивость на велеречивость православную? Зачем пытаться переводить реальную (органичную) конституцию России на напыщенный язык юридического акта? Если русская конституция – это естественный для нашей страны монархизм, то её не сможет ни заменить, ни укрепить никакой текст. Ведь он сам это убедительно доказывал, когда рассуждал о внеюридической сущности права. Хороших конституций не бывает. Есть те, что реальны (органичны), а есть те, что идеальны (виртуальны), хотя и вполне осязаемы на бумаге (камне, металле, экране, неважно).

«Я, как человек, гражданин и исследователь – непартиен, никогда ни к какой партии не принадлежал и принадлежать не буду», – писал Ильин в своей незавершённой теоретической работе [Ильин, 1994, 4, 418.] Но так ли это? Ведь почти всё созданное им за многие годы пропитано антикоммунизмом и антисоветизмом, опиравшимся на православный национализм и монархизм, то самое русское консервативно-бессмертное кредо, что мы находим в православии, самодержавии, народности. В жизни он был, как водится на русский лад, до конца, последовательно, фанатично и воинственно партиен, скорее всего не понимая, что его религиозная партийность ничем не лучше и не хуже партийности светской.

Правовая идеология – это лишь сегмент конкретно взятой идеологии и поэтому правовых идеологий можно насчитать столько, сколько есть идейно-политических течений – как светских, так и религиозных. Наряду со всем массивом нормативно-правовых актов и совокупностью юридических учреждений правовая идеология представляет собой элемент правовой системы. Если рассматривать правосознание какой-нибудь страны в целом, то не сложно обнаружить, что оно входит в правовую систему не целиком, а лишь той своей составляющей, которая и есть правовая идеология, причём не любая, а только господствующая в правовой системе. Правовая идеология может стать определяющим элементом в правовой системе, придавая ей неповторимые качества именно вероисповедного свойства – будь то правовая система мусульманской, советской республики или православной, католической монархии. Правовая система идеологического типа явно отличается от правовой системы юридического типа именно тем, что в первой господствует какая-нибудь партийная правовая идеология, а во второй – юридические учреждения (суды, законодательные инстанции, правоприменительные органы и т.п.) как бы беспартийны. Весь массив законодательства и все юридические учреждения в действительности часто бывают подчинены определённой, обычно радикальной идеологии, а вот другой вариант, – когда юридические институты господствуют как над идейной жизнью, так и в сфере законодательства, в истории встречается гораздо реже.

Знавший об этом Ильин, тем не менее был таким идеологом права, который полагал, что подлинность, здоровье, плодотворность правовой системе может гарантировать только её укоренённость в христианской православной вере. Для него нормальное правосознание отличается от большого именно своей идейностью, последовательной верностью православию. Но ведь точно такие же теоретики есть у мусульман и буддистов, не говоря уже о христианских католиках и протестантах. Такими же были немецкие национал-социалисты, а не только русские коммунисты, которых Ильин одинаково ненавидел. Идеологи всегда отличаются своей нетерпимостью к иноверцам. Ильин не был исключением, потому что не сомневался, что стоит на верной позиции. Так сложилось, что сторонники юридического мировоззрения находят нормальность (здоровье) в как раз противоположном тому, в чем видят аномию (болезнь) поборники мировоззрения партийного – в демократии, разделении властей, независимости суда и пр., т.е. ровно наоборот считают больным то, что первые – здоровым.

По идейно-политической ориентации и религиозной принадлежности носители как юридического, так и партийного мировоззрения могут меняться. Ясно, что церковь – это не партия, и что многие партии безразличны к конфессиональным предпочтениям своих сторонников и активистов. Неизменна лишь убеждённость каждого верующего в собственной правоте и заблуждениях других. Идеино-политическая ориентация (позиция по степени идейного накала) может быть либо центристской (умеренной), либо радикальной (левой или правой). Если посмотреть на мировые религии как средоточие правовых идеологий в пределах спектра идейно-политических ориентаций, то невозможно не заметить следующее. В центре, т.е. на умеренных, позитивно ориентированных позициях, располагаются католицизм, протестантство, ислам, тогда как буддизм и православие тяготеют к леворадикальной оппозиции. С этой точки зрения правая идеология католиков, протестантов и мусульман сродни консервативной, либеральной и социалистической и может считаться юридической. Правовая идеология буддистов и православных христиан совпадает с анти-юридическими установками анархистов и коммунистов. И это действительно так, потому что первые уравнивают право с моралью, а вторые отдают предпочтение морали, отводя праву ничтожную роль.

Партийное мировоззрение якобы беспартийного Ильина – это настолько парадоксальный гибрид идейно-политической ориентации и религиозной принадлежности, что его можно назвать лишь праворадикальным православием. На деле он (по его же классификации) занимался не теорией или философией права, а именно политикой права, потому что конструировал идеологию для будущего русского православного монарха, как его ни называй (председатель, генсек, президент, премьер). В этих же целях он формулировал «русскую идею» и декларировал атрибуты «русского правосознания», при этом Ильин не просто «зрит в корень», как любой радикал, но совершенно нетерпим к иным взглядам, как любой фундаменталист. Ильин писал: «История как бы вслух произнесла некий закон: в России возможны или единовластие, или хаос; к республиканскому строю Россия неспособна. Или ещё точнее: бытие России требует единовластия – или религиозного и национально укрепленного единовластия чести, верности и служения, т.е. монархии, или же единовластия безбожного, бессовестного, бесчестного, и притом антинационального и интернационального, т. е. тирании». Русский народ выработал на протяжении веков своё особое правосознание, воплотившееся в русском предреволюционном суде, трудах российского Сената, русской юриспруденции, сочетающей в себе христианский дух с утонченным чувством справедливости и неформальным созерцанием права. «Не случайно русская сердечность и простота обхождения всегда сжимались и страдали от чёрствости, чопорности и искусственной натянутости Запада. Не случайно и то, что русская созерцательность и искренность никогда не ценились европейским рассудком и американской деловитостью. С каким трудом европеец улавливает особенности нашего правосознания – его неформальность, его свободу от мёртвого законничества, его живую тягу к живой справедливости и в то же время его наивную недисциплинированность в бытовых основах и его тягу к анархии» [Ильин, 1992, 2, 81; 1, 92–93, 283].

Ильин – образцовый идеалист. Идеалист в самом прямом смысле – служитель и проповедник идеала православной веры. Этому идеалу он подчинял всё, в том числе познание политико-правовой сферы. Его теория и философия государства и права насквозь идеалистична как раз в этом смысле. Он уверен: «Русской интеллигенции в XIX в. и в XX в. не хватало истинного идеализма; она жила химерическими доктринами и именно вследствие этого пришла к революции и социализму» [Ильин, 1992, 2, 112, 128–129]. Пожалуй, суть своего идеализма Ильин в «Поющем сердце» выразил так: «Надо искать лучшего, нравственно-лучшего, и притом не «лучшего по-моему», а «лучшего на самом деле». Верующий христианин спросит о «христиански-лучшем», о «совершенном перед лицом Христа Спасителя» [Ильин, 1998, 655]. Он полагал, что идеал должен осмысливать всякое мероприятие, пронизывать своими лучами и облагораживать всякое решение, звать издали, согревать сердца вблизи. Так, в политике только тот человек, который последует идеалу, сможет стать истинным политиком, потому что только ему удастся не брести от случая к случаю, не штопать наличные дыры, не осуществлять безыдейное и беспринципное торгашество, не предаваться легкомысленной близорукости. «Христианство переломило всю историю человечества», – заявляет Ильин. И сделало это простым способом – людям сказали, что блаженство доступно только духу и состоит оно в созерцании Бога. Тем самым человеку был открыт путь не к обманчивой сладости земли, а к вечной радости неба. Христианство несёт в себе заряд величайшего жизненно-земного творческого реализма [Ильин, 2001, 415].

По его убеждению, в XX в. с небывалой ещё в истории глубиной и остротой разразился общий мировой кризис, в основе которого – кризис духовный [Ильин, 1994, 4, 418, 444–445]. Люди утрачивают духовное измерение вещей и жизни, они как бы слепнут для духовной субстанции бытия и начинают слепо ненавидеть и слепо преклоняться; их сила суждения, и без того небольшая, слабеет и разлагается окончательно; в партийном пристрастии они извращают все постановки вопросов политики, критикуют вкривь и возвеличивают вкось, забывают, в чём цель человеческой жизни и какие средства и пути ведёт к ней; доверяются сходно болтающим обманщикам и берут под подозрение всех, кто не произносит принятых ими слов и догм. У общего мирового кризиса, полагал он, была предыстория – на протяжении многих десятилетий, слагающихся по совокупности в века, в людских душах меркла и исчезала духовная очевидность, т.е. верное восприятие и переживание великих духовных предметов – откровения, истины, добра, красоты и права.

Эту мысль можно было бы выразить его словами и так: соответствующие этим предметам духовные лучи, исходящие свыше, воспринимались человеческими душами всё неувереннее, всё слабее и беспомощнее; а так как «природа не терпит пустоты», то на их месте водворялись безблагодатные содержания: или противобожественные вымыслы человеческого рассудка, ложные теории, зло, уродство, безвкусице и несправие, или же мелкие и ничтожные содержания, в общем составляющие то, что именуется пошлостью. Но злые и ложные химеры способны ещё вызывать слепой «пафос», злую одержимость, неистовый и губительный фанатизм, который однажды разоблачит себя сам, выдохнется и исчезнет. А мелкая ничтожность потребностей и страстишек не способны и к этому: она делает души тепло-прохладными, скудными, мелкими, ничего не любящими, безразличными, трусливыми и предательскими. Это означает, что мы должны вступить на новые пути – волею, чувством, созерцанием, познанием и действием. Для этого мы должны признать несостоятельность наших былых духовных позиций и приступить к обновлению нашего духовного опыта. Мы должны очистить и обновить свой дух, чтобы ему по-новому открылись все духовные предметы. И это относится и к праву, и к государственности, и в особенности к монархии.

Таков диагноз Ильина и, если коротко, главная беда – в нарастающем безбожии; а вот его рецептура ещё проще – возврат к «живой вере»: «в Бога, в любовь, в свободу, в совесть, в семью, в родину и духовные силы нашего народа, начиная с Бога и возвращаясь к нему, утверждая, что и любовь, и свобода, и совесть, и семья, и родина, и нация – суть лишь пути, ведущие к Его постижению и к Его осуществлению в земной жизни человека» [Ильин, 1998, 322]. Причём одно только издревле

известное православие способно вернуть людям способность «сердечного созерцания», «любить и созерцать из любви». Ильин обращается к читателям: «Несчастье современного человека велико: ему не хватает главного – смысла жизни. Он должен отвлечься на поиски. И пока не найдёт главного, беды и опасности будут подстерегать его всё чаще и чаще... пока он не вернётся к откровению Христа и не станет вновь его исповедовать» [Ильин, 1994, 3, 214]. «Мы западу не ученики и не учителя. Мы ученики Бога и учителя себе самим». Нам – «русским людям всех племён, всех народностей и всех исповеданий», нужно «гордиться своей рускостью», понимать, что «мы призваны творить своё и по-своему: русское по-русски». «И всякий сын России, владеющий русским языком, найдёт себя в русской вере, в русской добродетели, в русской песне и музыке, в русской живописи и архитектуре, в русской науке и философии, в русском праве и правосознании – такие пути в жизни и такие формы творчества, которых никогда не даст ему ни один чужой народ» [Ильин, 1998, 704; 1992, 1, 326, 328; 1999, 9–10, 318, 323.].

Написано это в середине XX века, т.е. «нашего» века или века «после» рождения Христа. Но если «смысл жизни» был открыт «нам» этим историческим персонажем двадцать столетий назад, то почему владение откровением не принесло «нам» счастья в течение всего этого огромного отрезка времени? А в чем был «смысл жизни» того необозримого количества людей, которые обитали в разных уголках Земли в течение многих и многих столетий до Христа? Не верится, чтобы Ильин не задавал себе таких вопросов. К тому же, он просто не мог не знать, что сотни и сотни миллионов как его, так и наших предков и современников преломляли и продолжают преломлять духовные лучи через конфуцианство, индуизм, буддизм, а еврейские соотечественники Иисуса – иудаизм. Объявлять безбожие и его проповедь явлением нового времени – слишком опрометчиво⁴. Вообще говоря, где есть набожность (теизм), там просто не может не быть безбожия (атеизм). По иудейским меркам (да и христианским тоже), вопиющими безбожниками были греки и римляне с их многобожием. Один только Секст Эмпирик привёл массу свидетельств такого воинственного безбожия среди древних греков, с которым не в силах тягаться ни французские просветители, ни научные атеисты от марксизма-ленинизма.

Ильин, как и многие другие православные христиане, столкнувшиеся с отечественными безбожниками, был охвачен чувством, смешанным из сострадания к заблудшим, тяжелой грусти от святотатства, растерянности от непонимания. Но если, казалось бы, глубокая православность русского народа не остановила его перед святыней монаршего престола, то на чем основана убежденность в его спасительной для будущего страны роли? Похоже, подлинно христианское безразличие и коммунальная отчужденность от правительства были присущи православным в большей мере, чем казалось со стороны. Законническим настроением пронизан ислам, но не христианство, которое изначально покоилось на стремлении к изоляции от властей. Ни православное христианство, ни буддизм не содержат в себе такого устремления к правопорядку, без которого ислам просто невозможен. Ведь искомое христианами «Царство Божье» внутри каждого человека, а не в справедливых законах. Именно поэтому Ильин уповает на совесть, а не на законопослушность.

Как радикальный православный вариант консерватизма учение Ильина и в его время, и сегодня могло и может либо игнорироваться и замалчиваться, либо с восторгом приниматься и пропагандироваться единомышленниками, либо с негодованием отвергаться и разоблачаться противниками, что и наблюдается в действительности. Оставаясь актуальным, оно нуждается не в переводе на язык современных понятий, а в перепрочтении⁵. Похоже на то, что многолетняя работа над проблемой монархии ни к чему серьезному Ильина не привела потому, что вполне очевидная теоретически и формально-юридически разница между монархической и республиканской формами правления могла быть содержательно переосмыслена, если бы сопоставлялись не монархия с республикой, а партийное государство с правовым. Ведь на глазах у Ильина в России государство лишь меняло свою партийность с православной на коммунистическую. Тогда как в Германии государство из правового превращалось в партийное, а затем снова становилось правовым. Он не видел, что, сочиняя для России православную конституцию, просто восстанавливает

прежнюю партийность, не выходя за её православные пределы и предавая анафеме партийность чужую – коммунистическую. Может быть при таком перепрочтении и в его собственном правосознании нашлось бы место тому самому методологическому плюрализму, в пользу которого он делал выбор в начале своего научного пути. Через иную сетку понятий всё то, что так сильно его занимало, могло бы стать действительно более предметным и очевидным. Но для этого нужно было пойти дальше – отказаться от всеразрешающей и всеобъясняющей божественной дедукции – идеалистичного теизма – и признать индуктивную плодотворность реалистичного атеизма. Этого Ильин не хотел и не мог сделать, т. к. был восторженным теистом и во всех бедах человечества винил неистовых атеистов, скорее всего не замечая, что между теми и другими (как радикалами) нет большой разницы.

Ещё в 1920 г. Ильин говорил, что сочувствует всякой государственной власти, воспитывающей в народе нормальное правосознание. Но очень быстро он стал видеть в большевистских преобразованиях только одно антинациональное зло, которое необходимо уничтожить. После 1945 г., когда к негативному опыту русского большевизма добавился позитивный, а к позитивному опыту итальянского фашизма и немецкого нацизма – негативный, он стал утверждать, что тоталитарное государство обдуманно, принципиально и последовательно заменяет идею правосознания идеей рабочувствия [Ильин, 1992, 2, 192]. Крах нацистской попытки возродить величие Германии и провал аналогичных фашистских усилий в Италии не поколебали русского национализма Ильина. Идеино-политический террор и казарменный коммунизм, присущие Советской России, заслоняли для него действительные социальные перемены в стране при власти коммунистической партии, которые сама она назвала социализмом. Поэтому он, понимая неотложность социальных перемен, категорически отказывался связывать эти перемены с социализмом. Политическому мыслителю, юристу по образованию и философу по призванию, следовало бы всё-таки четче представлять, что социал-демократы, национал-социалисты и коммунисты представляют себе реальный социализм по-разному. Считая социальность и социализм антиподами, Ильин не хотел замечать, что в ряде современных ему стран (скажем, Австралии, Новой Зеландии, Швеции) подлинного социализма больше, чем в самоназванном социалистическом союзе советских республик на его родине. Что, кстати сказать, понимал антипатичный ему Н.А. Бердяев со своей «коммунотарностью» (влиятельный ныне коммунитаризм). В этом смысле Ильин остался в плену категорий советской коммунистической идеологии, которую так яростно разоблачал.

Библиографический список

1. Герасименко, А.П. «Русская идея» (политико-правовое учение И.А. Ильина) / А.П. Герасименко // Политика и право. Ученые записки. – Благовещенск: АмГУ. – 2017. – Вып. 17. – С. 6–28.
2. Ильин, И.А. Крушение социализма / И.А. Ильин // Ильин И.А. Собрание сочинений: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). – М.: Русская книга, 2001. – 560 с.
3. Ильин, И.А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 годов. В 2 томах / И.А. Ильин. – М.: МП «Рарог», 1992. – 271 с.
4. Ильин, И.А. О монархии и республике / И.А. Ильин // Ильин И.А. Собрание сочинений в 10 томах. М.: Русская книга, 1994. – Т. 4. – 576 с.
5. Ильин, И.А. Основы борьбы за национальную Россию / И.А. Ильин // Ильин И.А. Собрание сочинений в 10 томах. – М.: Русская книга, 1999. – Т. 9–10. – 512 с.
6. Ильин, И.А. Путь к очевидности: Сочинения / И.А. Ильин. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. – 909 с.
7. Ильин, И.А. Теория права и государства. / И.А. Ильин. – М.: Зерцало, 2003. – 400 с.
8. Ильин, И.А. Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий / И.А. Ильин // Ильин И.А. Собрание сочинений в 10 томах. – М.: Русская книга, 1994 – Т. 3. – 590 с.
9. Религиоведение. Энциклопедический словарь / под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – М.: Академический Проект, 2006. – 1256 с.

Текст поступил в редакцию 22.12.2018.

¹ Иван Александрович Ильин (1883–1954) окончил юридический факультет Московского университета в 1906 г. и как небесталаннный выпускник был оставлен здесь готовиться под руководством П.И. Новгородцева к преподаванию истории философии права. В 1909 г. Ильин сдал магистерские экзамены и стал работать приват-доцентом в Московском университете. К 1916 г. он подготовил диссертацию по гегелевской философии, которая была опубликована в двух томах в 1918 г. под названием «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» и защищена в Московском университете в этом же году. За первый том Ильину присвоили степень магистра, а за второй – доктора юридических наук. В 1922 г. его выслали за границу, где он жил и работал до 1938 г. в Германии, а потом до 1954 г. в Швейцарии. Чрезвычайно показательно то, что сам он не стал публиковать не только «О монархии», но и «О сущности правосознания», а вот «Аксиомы религиозного опыта» (в 2-х томах), несмотря на болезни и денежную нужду в 1953 г. в Париже, напечатал. [Религиоведение, 2006, 386; Герасименко, 2017, 6–28.]

² Ильин полагал, что если изучать правоотношения с точки зрения их целесообразности (т. е. заниматься «политикой права»), то следует «установить и доказать единую, высшую цель, осуществляемую правом и правовыми союзами людей, и вслед за тем подыскать верные средства, ведущие к осуществлению этой цели; рассмотреть каждое правовое явление и каждую правовую норму с точки зрения их практической годности и негодности и дать указание и советы мудрому правителю» [Ильин, 2003, 154.].

³ Из его текста: «О Российском Государстве. Ст.1. В порядке Божьего изволения возникшее, Божьим Промыслом в веках ведомое, Российское Государство утверждается как установление по духу своему христианское и национальное, призванное ко хранению и осуществлению закона правды в жизни российских народов. Ст.5. Российское Государство есть единство священное, ибо оно объединяет людей не только внешне, но и внутренне, не токмо за страх, но и за совесть, не токмо перед лицом всех людей, но и перед лицом Божиим. Российское Государство служит делу Божьему на земле: оно ограждает и обслуживает жизнь русского национального духа в его единстве и его всенародной и общенародной совокупности» [Ильин, 1992, 2, 72, 73].

⁴ «Если прислушаться к тому, что говорят современные воинствующие безбожники, то складывается впечатление, будто мы вынемлем неистовым проповедникам – проповедникам безбожия, – старающимся навязать людям новую религию. И в самом деле, это есть религия безверия и противобожия. Дело не только в том, что эти люди сами утратили всякую связь с Богом; они ещё принимают своё безбожие за величайшее достижение, за «освобождающую истину», за «радостное благовестие», словом – за новое откровение... Такое впечатление не случайно; оно исторически обосновано и верно. И тот, кто вдумается в это явление нового времени, тот почувствует глубокую скорбь и тревогу» – писал он в «Поющем сердце» [Ильин, 1998, 579].

⁵ В своей первой научной публикации «Понятия права и силы» он говорил: «Процесс уяснения отживших учений состоит, по существу, в переводе их на язык современных понятий» [Ильин, 1998, 850]. Эта работа была опубликована в 1910 г. и в 1912 г. вышла на немецком. Здесь же он писал: «Вера в спасительный методологический монизм падает и уступает место принципиальному признанию методологического плюрализма» [Ильин, 1998, 852].

References

1. Gerasimenko A.P. *Politika i pravo. Uchenye zapiski* [Policy and Law. Transactions]. Vol. 17. Blagoveschensk: AmGU, 2017, pp. 6–28 (in Russian).
2. Ilyin I.A. *Sobranie sochineniy: Statyi. Lekcii. Vystupleniy. Recenzii (1906–1954)* [Collection of Works: Papers. Lectures. Speeches. Reviews. (1906–1954)]. Moscow: Russkaya kniga, 2001 (in Russian).
3. Ilyin I.A. *Nashi zadachi. Statyi 1948–1954 godov* [Our Tasks. The Articles of 1948–1954]. Moscow: МР “Rarog”, 1992 (in Russian).
4. Ilyin I.A. *Sobranie sochineniy v 10 tomah* [Collection of Works in 10 Volumes]. Moscow: Russkaya kniga, 1994, vol. 4 (in Russian).
5. Ilyin I.A. *Sobranie sochineniy v 10 tomah* [Collection of Works in 10 Volumes]. Moscow: Russkaya kniga, 1999, vols. 9–10 (in Russian).
6. Ilyin I.A. *Sochinenia* [Writings]. Moscow: EKSMO-Press, 1998 (in Russian).
7. Ilyin I.A. *Teoriya prava i gosudarstva* [The Law and State Theory]. Moscow: Zerkalo, 2003 (in Russian).
8. Ilyin I.A. *Sobranie sochineniy v 10 tomah* [Collection of Works in 10 Volumes]. Moscow: Russkaya kniga, 1994, vol. 3 (in Russian).
9. *Religiovedenie. Enziklopedicheskiy slovar* [Study of Religion. Encyclopedic Dictionary]. Eds. A.P. Zabyako, A.N. Krasnikov, E.S. Elbakyan. Moscow: Akademicheskyy Proekt, 2006 (in Russian).